

Управление государством, участие в экономическом строительстве, широкая работа в профсоюзах, в строительстве Красной армии, ликвидация безграмотности, густая сеть культурных внешкольных учреждений, — такова та общая обстановка, в которой вырабатывается новая культура.

Но самая исключительная роль в деле выработки новой культуры принадлежит безусловно Коммунистической партии: героизм, настойчивость, самопожертвование, революционный идеализм, субботники, добровольная дисциплина, коммунистическая агитация и пропаганда — вот благодаря чему Р. К. П. явилась исключительным фактором в деле выработки новой психологии, а следовательно, и новой культуры.

Пролеткульты в Советской России являются специальной организацией, задавшейся целью выработки пролетарской культуры.

Хотя вначале Пролеткульты и приходили в столкновение с органами Наркомпроса, но в дальнейшем, по мере развертывания международной революции, эти два рода деятельности должны будут все больше и больше совпадать и в конечном счете они сольются.

Пролеткультам удалось выявить творческие способности у ряда рабочих, имена многих из них стали популярными.

В работе Пролеткультур есть много дефектов (слабая связь с массами, замкнутость, недостаточная близость с работой культотделов, профсоюзов и т. д.

Но есть и много положительных сторон.

Студийность работы, коллективная разработка темы, открытая критика в самый момент творчества, не только «вдохновение», а органическая систематическая работа.

Культура пролетарская затрагивает не только область искусства, но и область быта. Вместе с новой культурой появляется новый быт.

Ломаются старые семейные традиции. Раскрепощается женщина. Освобождаются дети. Разбиваются филистерские перегородки. Появляются общественные отношения в воспитании, во внедомашней обстановке.

«Разрушается буржуазный индивидуализм со всем его тяготением к семей-

ному очагу, к семейной замкнутости, к узкому эгоизму (стр. 84).

Одновременно и рядом с разрушением семьи [новая культура разрушает и религию.

Появляется новая мораль, основанная на иных человеческих отношениях, на коллективной работе, независимости, свободе и вере в мощь человеческого гения.

Таково в основном содержание книжки тов. Керженцева.

Надо помнить, что она написана в 1920 году, когда о новой экономической политике не могло быть и речи. Теоретически все положения этюда «К новой культуре» правильны. Но вторая часть книжки сегодня является в некоторой степени абстракцией. Ибо сегодня анархическая, индивидуалистическая, мелкобуржуазная стихия прет из всех щелей.

Было бы полезно получить от автора «К новой культуре» ряд ответов на возникшие сегодня вопросы...

Книга полезна, как пособие для совпартшкол.

Бор. Волин.

Г. САФАРОВ. О научных основах коммунизма. Петербург. Гос. Изд. 1921 г. Стр. 112. Ц. 300 р.

Не правда ли, очень гордо звучит: «О научных основах коммунизма!»

Но уже после первой главы (а их целых восемь!) читателю ясно, что в этой книжке нет ни науки, ни основ, ни коммунизма, а есть лишь безнадежная путаница.

«Если умственная деятельность до сих пор была оторвана от производительной деятельности, — пишет автор, — и отражала общественные противоречия, то это было обусловлено присвоением (курсив его. В. В.) всей массы производительных сил командующей верхушкой».

Что ни слово в этом отрывке, то нелепость. Спроси кто-нибудь у т. Сафарова, что значит «присвоить всю массу производительных сил» и как это осуществимо. Эта фраза с уст его сорвалась не случайно, на 29 стр. он без тени сомнения повторяет это почти дословно: «Сознательная (курс. его. В. В.) организация общества и его сознательное развитие

осуществимы только при условии *общественного* (курс. его. В. В.) присвоения производительных сил»...

Из многочисленных авторов, которых цитирует т. Сафаров, более всего не повезло Марксу и Энгельсу. Цитаты из их творений приводятся почти всегда невпопад. На стр. 22 приведены две больших цитаты из Энгельса, где он говорит о том, что «Развитие человеческого общества... началось с того момента, когда труд семьи стал создавать более продуктов, чем было необходимо для его поддержания», что разделение общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых явилось «необходимым следствием прежнего недостаточного развития производства»—и приходит к выводу, что «закон разделения труда образует основу классового разделения».

«Отсюда видно,—глубокомысленно умозаключает т. Сафаров,—что общественное развитие началось с разделения общества на классы, т.-е. с самого начала общественного развития сознательная организация общества в целом (курс. его. В. В.) сделалась невозможной».—Хуже понять Энгельса нельзя.

Вот еще один пример: приведя цитату из «Нищеты философии», которая заканчивается фразой: «Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая», автор продолжает: «но именно отсюда и вытекает неизбежность *общественного* (курс. его. В. В.) разделения труда, *пожизненного прикрепления определенных групп к определенным занятиям*»... Если что и вытекает из слов Маркса, так это как раз то, что никакое разделение труда не есть—в смысле людском—величина постоянная, что никакая группа «*пожизненно*» не может быть прикреплена к какому бы то ни

было занятию, и что общественное разделение труда прямо и непосредственно зависит от условий развития средств производства и техники, т.-е. что в обществе, особенно внутри данного класса, происходит непрерывное, непрекращающееся движение и перегруппировка человеческого состава, соответственно с постоянным прогрессом техники.

Но т. Сафаров не хочет понять Маркса и Энгельса, он гораздо охотнее понимает М. Гюйо: цитаты, приведенные из его книги «Иррелигиозность будущего» занимают больше двух третей двух глав; охотно цитирует А. Бергсона, Маха и его учеников, недурно усваивает уроки из «Новых идей в социологии»,—так усердно, что почти вся книга испещрена цитатами отовсюду.

Такая неслыханная сумма цитат совершенно не переваренных, не обработанных, не проанализированных! Собранные вместе цитаты. В результате—брошюра представляет из себя сплошную чехарду цитат, где Маркс оказывается в дружбе и согласии с Кассирером, где Анри Бергсон дополняет Энгельса, а последний иллюстрирует Г. Маха, и т. д. и т. д.

Судя по тому, что Сафаров тщательно каждое иностранное слово объясняет (иногда до анекдотичности—стр. 33, 48, 65), книжка предназначена для массового читателя. Но без всякого преувеличения можно сказать, что, к счастью, ни один рабочий ничего не поймет в его безобразных и бесконечных периодах, в его туманной фразеологии; все его философские упражнения так непроницаемо заброшены, что иногда при всем добросовестном желании до сути дела не доберешься.

Книжка издана в 20.000 экземплярах.

В. Ваганян.

АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ.

Я. ЯКОВЛЕВ. Русский анархизм в Великой русской революции. Гос. Издат. Москва, 1921 г.

В краткой, сжатой, но популярной и живой брошюре автор характеризует русский анархизм в переживаемой

нами революции. Если принять во внимание, что до 18 года русский анархизм почти ничем себя не проявил и даже не пытался осмыслить происшедших явлений, не выставил своей программы, не определил своей тактики, то брошюра т. Яковлева из попытки характеристики